

МОРТЕН ТРОВИК

ПРЕДАТЕЛЬ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

ГИД
ПО САМОЙ
ЗЛОВЕЩЕЙ
СТРАНЕ
ПЛАНЕТЫ

ПЕРЕВОД
С НОРВЕЖСКОГО
ЕВГЕНИИ ВОРОБЬЕВОЙ

INDIVIDUUM

УДК 94(519)

Morten Traavik — Forræderens guide til Nord-Korea

ББК 66.3(5К00)

T70

Научный редактор — ведущий научный сотрудник

Института Дальнего Востока РАН,

к.и.н. Константин Асмолов

Тровик, Мортен

T70

Предатель в Северной Корее. Гид по самой зловещей стране планеты / Мортен Тровик; [пер. с норв. Е.В. Воробьевой]. —

Москва: Индивидуум, 2024. — 368 с.: ил.

ISBN 978-5-6043605-9-0

Северная Корея в глазах большинства — это страна, из которой не бывает хороших новостей: в ней расстреливают за неискренние слезы на похоронах вождей, ссылают семьями, разрабатывают атомную бомбу и угрожают ей целому миру. «Предатель в Северной Корее» — это редкая попытка пройти меж идеологических полюсов и рассказать правду о жизни в «самой закрытой стране» с юмором и любовью к простым людям. Норвежский художник и режиссер Мортен Тровик был в КНДР больше двадцати раз и не только стал свидетелем ключевых моментов северокорейской истории (например, испытания ядерного оружия), но и внес в нее свой вклад. Он устроил первый в КНДР концерт западной рок-группы (Laibach), привозил в Пхеньян деятелей современного искусства. «Предатель в Северной Корее» представляет уникальный взгляд на уникальное государство — как на самый грандиозный спектакль планеты.

УДК 94(519)
ББК 66.3(5К00)

© by Morten Traavik 2018, first published by Aschehoug.

Published in agreement with NORTHERN STORIES. All rights reserved.

© Trine + Kim Designstudio, обложка, 2018

© Е. Воробьева, перевод с норвежского, 2020

ISBN 978-5-6043605-9-0

© ООО «Индивидуум принт», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	11
1	РАЗРЕШЕНИЕ	17
2	ПИСЬМО ПРЕДАТЕЛЯ	19
3	ФАКТЫ О СТРАНЕ	29
4	РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДИСКОКРАТИИ	35
5	ЦЕНТР: ПХЕНЬЯН	43
	Муки выбора	51
6	ЕДА И ПИТЬЕ	69
	Рецепт: Холодная лапша по-пхеньянски	71
7	ПОБРАТИМСТВО	77
8	СЕКС	85
	Гетеро	85
	Гомо	87
	Гид онаниста по Пхеньяну	90
	Рецепт: Суп тангоги	93
9	ПЕРИФЕРИЯ: ВСЯ ОСТАЛЬНАЯ СТРАНА	103
10	СТРАНА СЧАСТЬЯ	111
11	СИЛОВЫЕ ЛИНИИ ИСТОРИИ 1: КИМ ПЕРВЫЙ	123
	Вундеркинды	144
	Шведский долг	163
	Шведская поддержка: Мортен Второй	167
12	АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ: ТРУДНЫЙ ПОХОД	173
13	СИЛОВЫЕ ЛИНИИ ИСТОРИИ 2: КИМ ВТОРОЙ	181
	Серый рынок	190
	Дочери революции	192

	Рецепт: Рис с искусственным мясом.....	197
	Сонгун – пакт с вооруженными силами.....	200
	Рецепт: Блюдо на целую армию – тонбэчу кимчи.....	211
	Беженцы из Северной Кореи.....	215
	Лагеря.....	217
	Умы и сердца.....	235
	Отождествление с персонажем.....	242
14.	СИЛОВЫЕ ЛИНИИ ИСТОРИИ 3: КИМ ТРЕТИЙ	247
	Комитет всего.....	249
	Эксперименты с рыночными силами.....	264
	Язык 1: трудности перевода.....	280
	Беженцы в Северную Корею.....	287
	Разоблачение.....	304
	Дело Отто У.....	308
	Эпилог: песнь о черепахе.....	334
15.	МИНИ-ГИД ПО СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ	339
	Язык 2: северокорейский мини-разговорник.....	339
	Как добраться.....	342
16.	НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ	349
	Ресурсы о Северной Корее в интернете.....	349
	Избранная литература.....	350
	Избранные фильмы.....	355
17.	БЛАГОДАРНОСТИ	359
	ФОТОГРАФИИ ПРЕДАТЕЛЯ	367

*Доверие – хорошо,
а контроль – лучше.*

**ВЫСКАЗЫВАНИЕ,
ПРИПИСЫВАЕМОЕ В. И. ЛЕНИНУ**

*Впрочем, его стремление к новому миру
всегда уравнивается сожалениями
о мире старом, который придется
разрушить, чтобы построить новое.*

РОБЕРТ ЧАНДЛЕР

*we do what we're told
we do what we're told
we do what we're told
told to do*

*one doubt
one voice
one war
one truth
one dream*

ПИТЕР ГЭБРИЕЛ*

* Песня «We do what we're told» (2014): «Мы делаем, что велено / мы делаем, что велено / мы делаем, что велено / велено нам / одно сомнение / один голос / одна война / одна правда / одна мечта» (англ.). — Прим. пер.

Всей моей семье

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Дорогой русскоязычный читатель!

Поскольку каждый художник – каннибал, каждый поэт – вор, а плагиат – лучший комплимент, который посредственность может сделать гению, я решил начать это предисловие словами, украденными по такому случаю у гораздо более талантливого писателя, чем я:

«Тоталитаризм – не только ад, но и мечта о рае – вековая драма мира, в котором все жили бы в гармонии, объединенные одной общей волей и верой, без секретов друг от друга. (...) Если бы тоталитаризм не использовал эти архетипы, которые укоренены глубоко в нас и во всех религиях, он никогда не смог бы привлечь так много людей, особенно на ранней стадии существования. Тем не менее, когда мечта о рае начинает воплощаться в реальность, здесь и там люди неожиданно обнаруживают стоящих на её пути – и правителям рая приходится строить маленький ГУЛАГ на его окраине. С течением времени этот ГУЛАГ становится больше и прекрасней, тогда как соседствующий с ним рай уменьшается и беднеет».*

* Отрывок из интервью Милана Кундеры с Филипом Ротом. Пер. Елены Кузьминой. — Прим. пер.

Осенью 1993 года я – в числе первых визитеров с Запада – приехал в Москву изучать режиссуру в ГИТИСе, в мастерской легендарного П.Н. Фоменко. Повторяю: осенью 1993-го. Те, кто достаточно стар, чтобы помнить те времена, и достаточно удачлив, чтобы их пережить и остаться в более-менее здоровом уме, знают, что это был, вероятно, самый беспредельный момент эпохи беспредела, известного в тот момент как *демократизация*.

За первые несколько месяцев жизни в России я повидал гораздо больше драмы, абсурда, опасностей, противоречий и парадоксов, чем за всю мою благополучную и спокойную юность типичного отпрыска скандинавского среднего класса:

- Мария Петровна, дежурная по квартире, снятой ГИТИСом, вручила мне ключи от комнаты со скупым пожеланием не подхватить сифилис, как угораздило предыдущего незадачливого жильца из-за границы;
- я попал под перекрестный огонь снайперов, засевших на верхних этажах высоток в районе Нового Арбата, и правительственных войск Ельцина, стрелявших по ним с улицы;
- в это же время большинство коренных москвичей гуляли по залитой солнцем улице, радуясь неожиданному выходному, поедая мороженое и наблюдая за разворачивающимися событиями (нет-нет да и становясь жертвами случайной пули);
- меня едва не задавили насмерть в подземном переходе, куда я ринулся вместе с толпой перепуганных зевак в поисках надежного укрытия от перестрелки;
- «водку будешь пить?»;
- покупка большого пакета анаши у сержанта прямо у входа в казарму посреди военной части на окраине города (сержант был постоянным поставщиком двух моих приятелей-металлистов, приторговывавших травкой);

- мне довелось стоять рядом с человеком, бросившимся под подъезжающий поезд на станции метро «Каширская»;
- а затем узнать, что во время эпидемии самоубийств в московском метро той зимой стандартным методом терапии для машинистов поездов, под которыми погибли люди, была бутылка водки и два выходных;
- отметить Международный женский день на диване друга, пока его жена хлопотала, угощая меня водкой с пирогом;
- «водку будешь пить!»;
- ежедневные прогулки мимо брошенных выгоревших остовов машин по дороге в институт и обратно;
- как-то ночью прямо около нашей хрущевки меня очень вежливо попросил о помощи парень с кровоточащей ножевой раной в животе;
- столь же вежливо он отклонил мое предложение позвонить в милицию и, пошатываясь, исчез во мраке ночи (его окоченевшего трупа на тротуаре на следующий день я не обнаружил);
- «ВОДКУ БУДЕШЬ ПИТЬ!!!»;
- и так далее, и тому подобное.

Русские люди «посреде сени смертныя» послушно ходили на работу по утрам и возвращались домой к вечеру, ничего толком не делая и почти ничего за это не получая, потому что единственная альтернатива этому была еще хуже. Я наблюдал, как большая часть населения России в девяностые олицетворяла собой (возможно, не осознавая того) самую убедительную демонстрацию «общественного договора» между индивидом и государством, идея которого была сформулирована западными философами еще в эпоху Просвещения. Это открыло мне глаза на то, что любое человеческое общество есть театр — гораздо более сложный и абсурдный, чем все написанные и поставленные донныне пьесы. Более того, зачастую события общественной

жизни настолько же надуманны. За это прозрение спасибо моим дорогим театральным учителям – Петру Наумовичу на малой сцене и Борису Николаевичу на большой!

Те, кому довелось жить при тоталитарном строе, который в СССР был гораздо гуманнее, чем в современной Северной Корее, если не считать тяжелых лет сталинских репрессий, легко распознают театральные черты как в государственной пропаганде, так и в повседневной жизни (а также в их взаимодействии), в отличие от тех, кто такой доли избежал. Именно поэтому я уверен, что такой сцене, как Северная Корея, нужен натренированный взгляд театрального режиссера – без ложной скромности, такого как я, – который способен понять и оценить ее.

Как-то раз я, окрыленный парой коктейлей и общей праздничной атмосферой, в шутку сказал северокорейскому чиновнику, которого привез на норвежский арт-фестиваль: «Наши страны практически соседи – между нами только Россия».

В этой полшутливой фразе о России как о промежуточном пункте между двумя полюсами – Норвегией и КНДР – довольно много правды. После короткого медового месяца в 1990-х, который по странному совпадению пришелся на период самого беспредела, Россия стала своего рода Северной Кореей-лайт в глазах либеральных западных СМИ. В их представлении это деспотичная, скрытная и враждебная страна, протянувшая свои темные щупальца по всему миру – от Украины и Ближнего Востока до Овального кабинета в Белом доме, ведомая зловещим и не вполне здравомыслящим Верховным вождем, населенная запуганными и невежественными людьми, тайно мечтающими о западной модели демократии.

В конце концов, любой путешественник, прошедший школу СССР, сразу поймет, что режиссеры Северной Кореи довольно беззастенчиво копируют советские сценические декорации как в целом, так и в деталях – от униформы вооруженных солдат до традиции юных пионеров, от культа партизан до мелодий советской эстрады 1950–1960-х.

Вообразите себе «Парк советского периода» – отчасти из ностальгии, отчасти как альтернативный вариант истории – в восточноазиатской стране, и получите довольно точное первое впечатление от Северной Кореи.

Позволю себе украсть еще одну цитату – на сей раз у нашего общего знакомого Карла Маркса: «История повторяется дважды: в первый раз в виде трагедии, второй – в виде фарса». Я бы добавил, что иногда она может повторяться в виде сложной комбинации того и другого.

За два года, прошедших с моей последней поездки в Северную Корею, геополитическая оперетта о ее противостоянии всему миру прошла полный цикл: «взаимные угрозы – эскалация конфликта – балансирование на пороге войны – нахождение в тупике – разрядка обстановки – оттепель – дружеские жесты – взаимная лесть – большие надежды – разочарование – и снова взаимные угрозы». Сегодня мы вернулись к исходной точке. За это время произошло многое, и в то же время не произошло ничего. И сейчас, когда «все сословное и застойное исчезает», а социальные сети превращают нас самих в носителей пропаганды, доносчиков, служителей Большого Брата и Уинстонов Смитов, мы все стали частью великой мечты о рае и неизбежно сопутствующего ей ГУЛАГа.

Я желаю и надеюсь, что для вас эта книга (равно как и Северная Корея для меня самого) послужит не только глазком в другую реальность, но и карманным зеркальцем, отражающим наш собственный мир.

1.

РАЗРЕШЕНИЕ

ПХЕНЬЯН, 4 МАРТА 2011

Настоящим Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) разрешает г-ну Мортену Тровику, художнику и режиссеру, провести предварительные переговоры о культурном обмене с другими государствами от имени нашей страны.

Учитывая предшествующий опыт г-на Тровика в развитии культурных связей между странами, мы полагаемся на него как на человека, наилучшим образом подходящего для совершения первых шагов к культурному сближению в тесном сотрудничестве с нашим министерством.

С уважением,
г-н Ким Дан Иль,
начальник отдела по связям с Европой,
Министерство культуры КНДР

ПИСЬМО ПРЕДАТЕЛЯ

Доверие и есть любовь.*

КИМ ЧЕН ИР

Уважаемый Мистер Вин!

Мои источники в Пхеньяне недавно сообщили, что вы все еще живы.

Более того, согласно имеющимся сведениям, вас перевели на менее напряженную должность в более спокойном департаменте министерства. Если это так, то я очень рад за вас. То, что произошло между нами, вызвало у меня сложные чувства — и если я злился, то злился не только на вас. Хотя именно вы в то утро угрожали убить меня — точнее, что меня убьют. Может, вы имели в виду, что опасность грозит нам обоим?

«Позвольте мне выразиться так: одна-единственная пуля...»

В маленьком кабинете вдруг стало очень тесно и очень жарко. Едкий дым ваших местных сигарет, которые я решаюсь курить только в самом крайнем случае, кольцами поднимался к потолку.

«...одна-единственная пуля из винтовки может убить человека».

* Изречения Ким Чен Ира. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 2006 (эл. изд.). С. 45. — Прим. науч. ред.

Долгая, очень долгая пауза.

«Поживем — увидим».

Признаюсь, мне тогда стало очень неудобно. Вы уже давно начали меняться — и чем дальше, тем меньше вы становились похожи на себя и тем больше превращались в нечто чуждое — темного, непредсказуемого, разрушительного демона, который больше не говорил на человеческом языке и не понимал его. Да что говорить, весь Пхеньян охватила подозрительность, граничившая с враждебностью, — ничего подобного я прежде не видел. Кроме того, ваши слова приобрели, с позволения сказать, особое звучание в свете того, что за несколько дней до этого Северная Корея, ошеломив весь мир, провела крупнейшие в своей истории испытания ядерной бомбы, по мощности вдесятеро превосходящей снаряд, сброшенный на Хиросиму. Вас не было в лобби отеля, когда мы с другими иностранными постояльцами — бледные и в буквальном смысле слова потрясенные — смотрели по государственному телеканалу экстренный выпуск новостей, в котором Северная Корея объявила себя новой ядерной державой. Вероятно, в тот момент вы выпивали где-то в другом месте. Но за прошедший год мне не раз приходило в голову, что в ваших словах было нечто большее, чем простая угроза. Что-то такое было в интонации, ваш голос казался скорее мягким и печальным, нежели твердым и суровым. Быть может, это было своего рода признание в любви? Мол, если вы больше не можете полагаться на меня в горе и в радости, то гори оно все синим пламенем? Во всяком случае, как я помню, мне тоже стало скорее грустно, чем страшно. Худшим для нас обоих было ядовитое сомнение, бросившее тень на все, что было раньше, и пропитавшее собой все события, предшествовавшие тому разговору. А что, если с самого начала все это было игрой? И обратная сила этой паранойи, запятившей нашу многолетнюю дружбу, увлекла нас еще дальше во тьму, которая медленно, но верно сгущалась над страной, над городом, а теперь утвердилась и над нами. Однако теперь, если верить местным источникам, вы снова в безопасности у себя на родине,